

Е. С. Соколова

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИКА В РЕПРЕЗЕНТАТИВНЫХ СТРАТЕГИЯХ КОРОНАЦИОННОГО ЦЕРЕМОНИАЛА РОССИИ XVII–XVIII ВВ.: ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Соколова Елена Станиславовна, доцент кафедры истории государства и права Уральской государственной юридической академии (620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, 54); кандидат юридических наук, доцент.

Sokolova Elena, associate professor of the Department of History's State and Law of Ural State Law Academy (620137, Russia, Ekaterinburg, Kolmogorova Street, 54); PhD, associate professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 245-35-98. Электронная почта/E-mail:

elena.sokolova1812@yandex.ru

В статье рассматриваются методологические и институциональные основания историко-юридической реконструкции репрезентативных стратегий моделирования мнемонических кодов государственной идеологии в области обращения к опыту прошлого для легитимации верховной власти. Автор анализирует культурно-историческую и политико-правовую основу коронационных стратегий российского самодержавия XVII – XVIII вв. наряду с присущими им формами трансляции на массовую аудиторию. Их условность в преемственности мифологем свидетельствует об активной роли правительственной элиты в утверждении коллективных образов «исторической памяти».

Ключевые слова: Репрезентативные стратегии, коронационный церемониал, российское самодержавие, образы памяти, историческая политика, культурно-исторические коды, законодательство, имперская идеология.

HISTORY AND POLITICS IN REPRESENTATIVE STRATEGIES CORONATION CEREMONIES IN RUSSIA IN XVII–XVIII: LEGAL ASPECT

The article discusses the methodological and institutional Foundation of the historical and legal representative reconstruction strategies modeling mnemonic codes of the state ideology in the sphere of circulation to the experience of the past in order to legitimize the Supreme power. The author analyzes the historical and politico-legal framework coronation strategies of the Russian autocracy of the XVII - XVIII centuries, along with their inherent forms of broadcast to a mass audience. Their conventionality in succession myths testifies to the active role of the government elite in the assertion of collective images of "historical memory".

Keywords: Representational strategies, the coronation ceremony, the Russian autocracy, the images of memory, historical, policy, cultural and historical codes, legislation, Imperial ideology.

Проблема исторической памяти является одним из самых востребованных концептов современного гуманитарного дискурса. В поисках мемориальных истоков вечной тяги человека к поиску самоидентичности представители большинства отраслей знания о человеке и обществе ищут мотивы, по которым люди разных эпох и народов обращаются к различным формам изучения истории и стремятся увековечить наиболее яркие события своего времени и опосредованного ими прошлого. Антропоцентризм новейшего отечественного исторического письма провоцирует исследовательский интерес к реконструкции семантического смысла культурно-исторических кодов, при помощи которых индивид отождествляет себя с тем или иным коллективным сообществом или, наоборот, отстаивает естественное право «быть самим собой».

Пройдя тернистый путь от поиска исторических законов и закономерностей к признанию правомерности существования «истории в осколках», современная российская наука о прошлом сегодня демонстрирует свою приверженность сюжетам, персонифицирующим образы прошлого в противовес чрезмерному схематизму линейно-стадиальной схемы исторического процесса. В дискуссиях последнего десятилетия о смыслах исторического познания прозвучало немало хорошо аргументированных и убедительных апологий в пользу изучения индивидуальных жизненных стратегий и методологической опасности генерирующих выводов, особенно в области воссоздания мнемонических конструкций, позволяющих выявить «связь времен». Не случайно, однако, бытует мнение, согласно которому все новое базируется на хорошо забытой традиции. Не является исключением и бытующее сегодня в российской исторической науке мнение о том, что антропологический подход к изучению прошлого формировался в противовес идеологическим наслоениям марксизма и целиком является достижением методологической мысли XX в.

О том, что «человек есть предмет любой истории» писали уже интеллектуальные лидеры европейского Просвещения. По словам лорда Болингброка, именно потребность людей в понимании самих себя влечет их к изучению истории. Чтобы получить необходимые для самостоятельного жизненного пути ориентиры, мы должны видеть и понять человека «во всех возрастах, во всех странах, во всех государствах, в жизни и смерти – и только история может нам так его изобразить»⁵⁶⁴. Не подлежит сомнению, что уроки истории относительноны, и как раз именно в этом заключается их непреходящий интерес для последующих поколений. Совершая путешествие в прошлое, мы не только соприкасаемся с иной картиной мира, но и получаем возможность сравнить свои ценностные ориентиры с тем, что интересовало наших

⁵⁶⁴Болингброк 1978: 62.

предшественников. В то же время взгляду непредвзятого исследователя нередко открывается зыбкость и нарочитая условность в преемственности культурно-исторических кодов, которые, как правило, создаются по воле интеллектуальной или политической элиты для передачи мифологем и различных интерпретационных стратегий, утверждающих тот или иной мемориальный канон в качестве коллективного «образа памяти».

Создание политических мифов во все времена было составной частью практики историописания в силу генетически присущей для нее коммуникативной природы, дидактической формы и ориентированности на «коридоры власти». Отчасти в этом «виновата» и свойственная историческому знанию философичность, о которой писали еще античные авторы, призывая своих читателей руководствоваться не конкретными примерами, а общим опытом, который можно извлечь из событий прошлого и характеров исторических персонажей.

В новое время среди различных вариантов сотворения мифа о прошлом с целью концептуализации проблемы власти, бесспорно, лидировали династические сюжеты, берущие начало в историко-политической традиции императорского Рима. В научной литературе справедливо отмечается взаимосвязь обращения историков и юристов европейского Запада к проблеме происхождения монархических государств «со становлением национального самосознания каждого отдельного народа»⁵⁶⁵. Не последняя роль в актуализации обращения интеллектуалов к «лабиринтам истории» с целью восхваления славных деяний своих предков принадлежала прагматической потребности в формировании политической идеологии, способствующей объединению сословий вокруг королевской власти. Совершая экскурсии в прошлое, историки-эрудиты нередко руководствовались как собственными политическими пристрастиями, так и политико-правовой конъюнктурой, как это, например, произошло во Франции XVI – XVII вв. в ходе дискуссии о соотношении троянского начала и франко-галльских корней в генезисе королевской власти.

Аналогичные примеры присутствуют и в российской политико-правовой практике XVII – начала XVIII вв., поставившей на повестку дня задачу легитимации самодержавного принципа правления и способов его реализации в институтах имперского государства. В отличие от западных образцов конструирования династического мифа, в ходе которого историописание и юридические конструкции королевского абсолютизма в равной мере послужили основанием для формирования концепции происхождения французской государственности, в России нового времени приоритетное начало оставалось за идеологическим компонентом государственной политики. Это было оборотной

⁵⁶⁵Эльфонд 2012: 207.

стороной доминирующей роли самодержавия во всех сферах социальной жизни и в политической системе государства. В научной литературе последних десятилетий высокий удельный вес самодержавного идеала, свойственный массовому правосознанию российского населения после воцарения династии Романовых, объясняется, прежде всего, серьезностью стоявших перед страной внешнеполитических задач. Наряду с этим некоторые исследователи отмечают и такой немаловажный фактор, как «жесткие обстоятельства существования страны с ограниченным экономическим потенциалом»⁵⁶⁶.

Ценностное значение данных ориентиров для моделирования некоей общей константы, определяющей основные направления правовой политики Российского государства, в том числе и в области моделирования династического мифа, окончательно победило к началу XVIII в. Новый импульс приобрели притязания России на международное лидерство. По оценке Е. Н. Марасиновой, с первой четверти XVIII в. возникает потребность законодателя в разработке официальной государственной доктрины, направленной на обеспечение быстрых результатов реализации законодательных инициатив Петра I в самых различных сферах государственного управления. Актуальное политическое звучание приобретает не только создание идей и символов, направленных на обеспечение внутренней стабильности государства и мобилизацию человеческих ресурсов для решения внешнеполитических задач, но и «создание образа власти и монарха как в глазах современников, так и в оценке последующих поколений»⁵⁶⁷.

Следует добавить, что в этих условиях особую важность приобретали репрезентативные стратегии моделирования официальных политико-правовых конструкций, основанных на переосмыслении исторических реалий прошлого. Наряду с проблемой выявления авторства подобных историко-политических сценариев, привлекающей сегодня внимание специалистов применительно к выявлению роли политических элит в проектировании идеологической константы самодержавного государства, самостоятельный научный интерес представляет и вопрос о способах трансляции соответствующих мнемонических кодов. В частности, воцарение династии Романовых, взявшей курс на последовательное укрепление самодержавных институтов Российского государства по образцу старомосковского идеала, способствовало не только усилению мемориального значения церемониальной практики, но и последовательному закреплению некоторых ее элементов на законодательном уровне. Речь в данном случае шла, прежде всего, о том, чтобы придать максимальную светскость традиционному представлению о сакральной природе царской власти. Но-

⁵⁶⁶ Марасинова 2004: 129; Марасинова 2008: 111-113.

⁵⁶⁷ Марасинова 2004: 129.

вые церемониалы, которые разрабатывались с учетом старомосковских образцов, почерпнутых, в свою очередь из византийского придворного обычая, были выдержаны в духе государственного патернализма и вполне сложившемуся до Смуты образу государя-помазанника, опекающего своих подданных, независимо от их социально-юридической принадлежности.

В условиях постепенного нормативно-правового закрепления статуса верховной власти московских государей, легитимность которой ассоциировалась в сознании старомосковских законодателей с наличием институциональных основ ее преемственности внутри царствующей фамилии Романовых, особое значение приобретала процедура восшествия на престол нового государя. Тенденция к провозглашению законности происхождения новой династии хорошо прослеживается в актовых материалах об избрании на царство Михаила Федоровича и официальных описаниях коронационного чина 1613 г. Старомосковская политико-правовая традиция, изложенная в памятниках позднего летописания и исторических сочинениях XVII в., приписывала идею передачи российского престола Романовым патриарху Гермогену и его сторонникам. Активная роль «священства» в преодолении последствий государственного «нестроения», вылившегося в Смуту, подчеркивалась как очевидцами воцарения новой династии, так и авторами более поздних компиляций⁵⁶⁸. Констатация решающей роли высшего московского духовенства в преодолении разногласий между различными группами земских людей о кандидатуре возможного претендента на верховную власть таила в себе важный юридический смысл. Подобная интерпретация итогов Земского Собора 1613 г. давала возможность религиозно-идеологического обоснования принятого в пользу Михаила решения, правильность которого освящалась возрождением обычая передачи престола по нисходящей мужской линии в род Рюриковичей.

Отсутствие прямой преемственности царской власти после смерти бездетного Федора Иоанновича создавало возможность для поиска законного преемника прерванной династии в женском поколении семьи Ивана IV. Представление о наличии прирожденного права на московский трон лишь за прямыми или косвенными потомками прекратившей свое существование династии в известной степени было порождением Смуты с ее религиозной и политической нестабильностью. В этих условиях вопрос о «правильности» критериев, положенных в основу выборов нового царя, приобрел особую актуальность, что в значительной мере способствовало выработке на политико-правовом уровне концепции «греховности» всех предшествующих

⁵⁶⁸ См., например: Тарановский 2004: 84-85 слл; Книга об избрании на царство 1856: I-V.

избирательных Соборов. Не последнюю роль в активизации «романовских настроений» сыграла политическая борьба при дворе Бориса Годунова, завершившаяся опалой семьи юного Михаила и его сородичей.

Эти обстоятельства были интерпретированы как основной культурно-исторический фон для разработки официального историко-политического мифа о благотворном воздействии царицы Анастасии Захарьиной-Юрьевой и ее семьи на результаты реформ 1550 г., что впоследствии вызвало зависть и недоброжелательство у их противников. Его общая концепция изложена в официальном описании избрания Михаила Романова на царство, которое, предположительно, было составлено во второй половине XVII в. боярином А. С. Матвеевым на основании документов Посольского приказа. По отношению к Анастасии в этом сочинении прилагаются эпитеты «благочестивая супруга» и «блаженная царица», достойным сыном которой стал богобоязненный и кроткий царь Федор Иоаннович. С историко-правовой точки зрения заслуживает внимания и негативное отношение автора данного сочинения к институту выборной монархии, олицетворением которого выступает Борис Годунов, «неправдой» захвативший престол Рюриковичей. В авторской интерпретации, полностью совпадающей с официальной историко-политической традицией XVII в., именно Борис, который «убийством скончати повелел» малолетнего царевича Дмитрия, выступает в качестве виновника прекращения правящей династии. Венчаясь после смерти бездетного Федора Иоанновича на царство, он нарушил предсмертную волю своего предшественника, якобы давшего благословение «сроднику своему по матери» Федору Никитичу Романову. Избранный царем вопреки обычаю, Борис быстро сбросил с себя маску милосердия и стал «во всем гневлив и яростен», что, в целом, не соответствовало религиозно-нравственному канону православного государя. Первостепенная забота Бориса заключалась в том, «како бы и последний царский корень извести», что и спровоцировало быструю опалу Романовых «по лукавому на них злословию». Таким образом, легитимация новой династии происходила на основе освященного церковью обычая, предполагавшего передачу верховной власти в пределах великокняжеской семьи⁵⁶⁹.

Факт исторической преемственности фамилии Романовых с родом Рюриковичей был особо отмечен в торжественных речах, произнесенных юным государем и митрополитом Ефремом во время проведения церемонии венчания на царство. Тем не менее, неизбежным следствием исторических обстоятельств, в которых происходило избрание Михаила Романова и его торжественный въезд в Москву, стало усиление светского компонента венчального чина 1613 г. В целом,

⁵⁶⁹ Книга об избрании на царство 1856: 1-4.

церемониальный текст официального торжества, состоявшегося в Успенском соборе воскресным днем 11 июля, был идентичен своей средневековой основе. Несмотря на внешнее сходство с византийским церковным каноном «классический» обряд венчания на царство Ивана Грозного серьезно отличался от имперского аналога по своей сути. В частности, здесь полностью отсутствовала какая-либо активность самого помазанника, который, в отличие от византийских императоров, возлагавших на себя регалии верховной власти без помощи патриарха, передавал выполнение этой миссии на высшее духовенство. Напротив, легитимность власти Михаила Романова формально обеспечивалась всенародной формой его избрания, о чем неоднократно упоминали участники переговоров в Костроме, придававшие большое значение факту принесения присяги новому государю людьми всех чинов⁵⁷⁰.

Та же политическая идея хорошо прослеживается в церемонии встречи молодого государя и его матери под Москвой 2 мая 1613 г., когда по старинному обычаю родоначальника новой династии сначала приветствовало духовенство, а потом служилые люди всех категорий, в том числе, и прибывшие из уездных городов. Здесь присутствовало множество посадского населения и разнородные по своему социальному составу «всех чинов люди». Отдельно было выстроено ополчение, под командованием князей Д. Т. Трубецкого и Д. М. Пожарского, которые по этому поводу заранее обратились к Михаилу Федоровичу с особой челобитной, мотивируя свое желание приветствовать государя «заслугами» при освобождении Москвы. Земская инициатива была проявлена и в короновании первого Романова «по древнему царскому чину», что придавало новому самодержцу ореол защитника и покровителя всего российского народа, получившего вражеское иго⁵⁷¹.

Поучение, произнесенное митрополитом Ефремом молодому государю, содержало традиционный призыв хранить божественные заповеди, не пренебрегая их «правдой» в осуществлении правосудия, сохранять «страх Божий в сердце и сохранять веру христианскую, греческого закона, чисту и непоколебиму...». Наставление это было продиктовано не только соображениями прагматического порядка, но и реально существовавшей в понимании людей того времени угрозой для трансформации Святой Руси Рюриковичей в выборную монархию по образцу Польско-Литовского государства и насаждением католицизма. Митрополит Ефрем особо отметил разрушительную роль Лжедмитрия I в ослаблении православной церкви, пострадавшей от введе-

⁵⁷⁰ Тарановский 2004: 88-90 слл; Коронационный сборник 1899: 1-9, 15-28, 35-40; Книга об избрании на царство 1856: 13-20, 21-25; 44-50.

⁵⁷¹ Книга об избрании на царство 1856: XI-XII.

ния в нее «множества еретиков» и «великого поругания» вере, восстановление которой под силу лишь «светлой и прекрасной ветви древяго, преславнаго царскаго корня». Совершая венчальный чин, он назвал молодого государя «обновителем обветшавшего и изнемогаго скипетра», припомнив все предшествующие злключения Романовых по вине «воров, кои зовутся детьми государскими». В ответной речи, обращенной вопреки обычаю, не только к церковному собору, но и к светским лицам, включая «христолюбивое воинство», Михаил Романов назвал Смуту «бесовским наваждением», требующим восстановления прежней традиции православного государства совместными усилиями государя и его верных «богомольцев»⁵⁷².

Социально-политическая природа восстановленного самодержавия, возвышенного по воле Бога над всем народом Земли Русской ради сохранения чистоты православного абсолюта, воплощенного в идее самодержавного царства, нашла свое отражение в некоторых кодах церемонии венчания, чуждых средневековому русскому канону. Прежде всего, изменения коснулись порядка перенесения из Казенного двора в Успенский собор знаков царского достоинства, что по обычаю, считалось прерогативой придворного протоиерея. По венчальному чину 1613 г. духовник Михаила Романова протопоп Кирилл нес регалии на золотом блюде в сопровождении неоднородной в чиновном Ютношении группы светских лиц, назначенных к выполнению этой высокой миссии государем за их особые заслуги. Желая подчеркнуть нерушимость возникшего на религиозно-патриотической почве социально-политического союза между «землей» и царской властью, Михаил Федорович даровал князю Д. М. Пожарскому право нести скипетр, что прежде было исключительной привилегией должности конюшего. В тот же день герой военного ополчения был возведен в бояре, что должно было продемонстрировать его выдающуюся роль в организации осады Москвы, захваченной поляками. Помимо Пожарского к торжественному переносу царских регалий были допущены казначей Н. В. Траханиотов и думные дьяки С. Васильев и А. Шапилов, несшие соответственно державу, золотое блюдо и «стоянец». По поручению царя эту торжественную процессию сопровождал в Успенский собор боярин В. П. Морозов, а с ним вместе - несколько одетых в одежды из дорогой парчи дворян, «на честь несомому Кресту и царскому сану»⁵⁷³.

Перемены коснулись и порядка традиционного царского выхода «со славою». В отличие от венчального чина XVI в., по которому российские самодержцы шествовали к месту своей коронации в сопровождении членов Боярской Думы, наиболее влиятельных дьяков и

⁵⁷² Книга об избрании на царство 1856: 45-50, 55-58.

⁵⁷³ Там же: 36-38.

должностных лиц местного управления, свита Михаила Романова, являлась знаковым воплощением дробного социального состава старомосковского населения. Наряду с придворной и приказной элитой в нее были включены стрелецкие головы, городовые дворяне, дети боярские и «всяких чинов люди», что должно было усилить земский элемент торжественной церемонии. Перед началом «выхода» Михаил Федорович восседал на троне в Золотой палате Кремля в окружении служилой элиты, сыгравшей видную роль в утверждении на престоле новой династии, и пожаловал боярским чином Д. Пожарского, а вместе с ним – князя Черкасского.

Приоритетное значение светского элемента коронации первого Романова хорошо прослеживается и в организации царского пира, который по традиции проходил в Грановитой палате, куда особо приглашалось духовенство. На фоне мощного всплеска религиозных настроений, которым сопровождалось избрание Михаила Романова, как православного государя, способного спасти от «великого поругания» православную веру, в Успенский собор было приглашено много иноков из разных монастырей Русского государства. Во время проведения коронации и совершения обряда миропомазания духовенство находилось справа от чертожного возвышения, приготовленного для царя и митрополита. С правой стороны стояли бояре и остальные, допущенные в Успенский собор, служилые люди, согласно местническому порядку. На пиру новый царь тоже находился в окружении светских и духовных лиц, но уже сидел за особым столом, что должно было подчеркнуть его особый статус по сравнению с подданными. Места для духовенства были отведены за ближайшим к государю «кривым столом», как этого требовал традиционный идеал «симфонии» между царской властью и церковью. Дальний стол занимала думная и приказная элита, причем боярам было приказано «не считаться местами», не ссылаясь, однако, на этот прецедент в местнических спорах «будущего времени»⁵⁷⁴.

Сохранение по преимуществу «церковного» характера коронации 1613 г. объяснялось не только соображениями политико-правового характера, но и тем, что венчание на царство было проведено митрополитом Ефремом, и могло быть оспорено собором восточных иерархов, из-за неполного соответствия православному канону. В этой щекотливой ситуации, уже имевшей место в 1547 г., большое значение получило торжественное возвращение Филарета Романова из польского плена, ознаменованное особым церемониалом. Михаил Федорович выехал из Москвы 14 июня 1619 г. и встретил своего отца на волюцком направлении у речки Прясны. Свита его состояла из ближних бояр, служилых людей всех чинов и посадского населения. В присут-

⁵⁷⁴ Книга об избрании на царство 1856: 65–66.

ствии народа царь и митрополит обменялись земными поклонами, семантика которых выражала не только родственные чувства, но и служила наглядным свидетельством существования прочного нравственно-политического союза между «священством» и «царством» в условиях сохранения западной угрозы православной основе Российского государства. Решающая роль принципа «симфонии» в легитимации еще неокрепшей власти молодого Михаила Романов прослеживается и в действиях Филарета после его въезда в Москву. Митрополит сразу же проследовал в Успенский собор для совершения благодарственного молебна, после чего он вместе с государем обошел все остальные кремлевские соборы, где поклонился местным святыням.

Спустя несколько дней, 24 июня 1619 г., в праздник Рождества Иоанна Предтечи, состоялось торжественное «поставление» Филарета в патриархи, произошедшее по благословению гостившего тогда в Москве Феофана Иерусалимского. Церемониальный текст этого торжества должен был продемонстрировать христианскому миру не только ценностное значение «симфонии» для укрепления статуса новой династии, но и его полное соответствие религиозному канону. В частности, после того, как Феофан вручил новому московскому патриарху посох св. Петра, на чертожное место поднялся сам Михаил Романов, который поднес своему отцу богато украшенный белый клобук, который в соответствии со средневековой традицией считался символом духовной власти. Отвечая на поздравления государя, Филарет произнес благодарственную речь, в которой призывал на молодого государя божественную благодать. После этого «сотворив обычный поклон», он благословил Михаила «крестом и покропил святою водою». На торжественном пиру, по обычаю сервированном в Грановитой палате, Михаил Романов и его облеченный высшим святительским саном родитель сидели на возвышении за одним столом⁵⁷⁵.

В отличие от венчального чина 1613 г., в котором, при его несомненном государственном начале, церковный элемент еще явно преобладает над светским, церемониал коронации Алексея Михайловича уже носил ярко выраженный театрализованный характер и преследовал прагматические цели. Прежде всего, эта церемония, состоявшаяся 28 сентября 1645 г., имела мощный сословный подтекст, цель которого заключалась в выявлении сложной социальной природы верховной власти первых Романовых. Ее отличительная особенность заключалась в повышении политической роли придворной и служилой верхушки, которой была предоставлена ведущая роль в перенесении царских регалий из казны в Успенский собор. Царский венец, который прежде доверялся только лицам духовного звания, нес теперь боярин Стрешнев. Его встречал патриарх Иосиф, который вместе с

⁵⁷⁵ Книга об избрании на царство 1856: 93-94.

церковным собором принял Животворящий крест и бармы, чтобы самому внести их в храм. Затем в Успенский собор прошествовал царь «со славою». Его сопровождала огромная свита из окольных, стольников, ближних бояр, думных людей, городских и московских дворян и детей боярских. Вдоль всего царского пути были расставлены стрельцы, охранявшие государя от наплыва большого количества иноземцев, состоявших на русской службе, иностранных дипломатов и прочих чужестранцев разного социального статуса. Учитывая международный резонанс коронации 1645 г., свидетельствовавший о повышении международного влияния Российского государства, большую роль в отпирании венчального чина играли дьяки Посольского приказа, отныне обязанные записывать все, что происходило в этот день в Успенском соборе и Кремлевских дворцах. Особой торжественностью отличалось шествие духовенства на обед в Грановитую палату, где царь встретил патриарха у дверей и после отправления молитвы пригласил его по обычаю за свой стол. Бояре же сидели по правую руку от государя, оставив на этот день местнические счеты, что, в принципе, способствовало нивелировке статуса наиболее знатных фамилий. формально возвышало личность самодержца над боярской элитой⁵⁷⁶.

Та же тональность присутствует и в церемонии венчания на царство государя Федора Алексеевича, состоявшейся 18 июня 1676 г. в Успенском Соборе Кремля. Обнародование именного указа об этом событии состоялось двумя днями ранее на Постельном крыльце, где обычно собирались московские стольники, стряпчие и дворяне для того, чтобы выслушать царскую волю. Изложенная законодателем юридическая мотивировка преемства власти по прямой нисходящей линии от отца к сыну носила ярко выраженный светский характер, лишь в незначительной степени скрытый традиционным обращением к принципу божественного происхождения царской власти. В качестве основного источника возникновения «природного» права Федора Алексеевича на московский трон составитель указа от 16 июня 1676 г. называет «приказ и благославление» царя-самодержца Алексея Михайловича, воля которого есть результат «данной Ему от Господа Бога благодати»⁵⁷⁷.

Иная, западническая, природа законодательной политики начала 1720-х гг., направленной на укрепление имперских амбиций самодержавной власти посредством мифологизации некоторых историко-юридических реалий, отражена в церемониальном тексте коронации будущей Екатерины I. Хорошо известно, что Петр I принимал активное участие в корректировке старомосковского коронационного

⁵⁷⁶ Книга об избрании на царство 1856.

⁵⁷⁷ Именный 1676.

чина, используя элементы европейского церемониала. Именно это обстоятельство способствовало его обращению к византийской традиции коронования императриц, которая предусматривала строгое разграничение прерогатив церкви и государства при последовательном доминировании в коронационном сценарии государственной идеи в ее историко-юридическом аспекте.

Ярко выраженное публичное начало, характерное для организованного по инициативе Петра I коронования его царственной супруги, имело место уже на этапе нормативно-юридического сопровождения этого, преимущественно светского по своей направленности, торжества. О своем «высоком намерении» и «о причинах, к оному побуждающих», царь объявил в манифесте от 15 ноября 1723 г., подчеркнув выдающиеся качества Екатерины, благодаря которым она всегда была его верной союзницей в «служении» идеалу «общего блага». В то же время Петр I придерживался мнения об ординарности этого события с точки зрения государственно-правовой практики партнеров России по большой европейской политике, сославшись не только на прецеденты из греко-византийской истории, но и на обычаи, «во всех Христианских государствах установленные»⁵⁷⁸. (Описание коронации). Высочайший Манифест был предназначен для «всенародного множества», что превращало правовой ритуал «объявления» прав претендента на трон в общее достояние всех подданных императорской короны.

Желая продемонстрировать преемственность императорской власти в России от старомосковских образцов, воспринятых из византийского обихода, Петр придавал большое значение убранству Успенского собора. С этой целью он распорядился украсить Соборную Церковь «всяким дражайшим убором, сколько по греческому закону позволяется», оставив при этом Образы святых открытыми, т. е. без «шпалер» или «иных украшений». Обязанность проследить за соблюдением греко-византийского канона была возложена на первого архиепископа Новгородского Феодосия, вместе с которым в Москву был отправлен П. А. Толстой. Основной акцент был, однако, сделан на зрелищности предстоящего события, которая, в полной мере соответствовала его западной ориентации.

Прежде всего, организаторы церемонии отказались от традиционного обрамления коронации, свойственного старомосковскому венчальному чину, основанием которого было визуально-мнемоническое воплощение принципа симфонии при доминировании государственно-начала. Более всего Петра I заботил международно-правовой резонанс его инициативы, суть которой заключалась в демонстрации западного компонента государственно-правовой политики Рос-

⁵⁷⁸ Манифест 1723.

сийской империи, отныне официально берущей на себя роль «Третьего Рима» во вселенском пространстве христианского мира. Это амбициозное намерение, естественно, вывело императорскую Россию на уровень перманентного конфликта с римским цезарем, который традиционно рассматривался на Западе, как законный правопреемник античного «империя», возглавляющий политическую иерархию европейских государств.

Важным зрелищным компонентом предстоящей церемонии стали текстовые коды, направленные на закрепление в сознании присутствовавших на коронации лиц высших социальных рангов институционального представления об императорской фамилии. Петр I позаботился о том, чтобы подчеркнуть ее единство, но сделал это в ущерб идущей от него нисходящей линии по «старомосковской ветви». Особое почетное место «с изрядными шпалерами, и золотою парчою, на которой золотые Орлы чисто вышиты», было возведено только для обеих цесаревен, которые свободно могли наблюдать оттуда за всеми подробностями коронационного торжества. Тем не менее, все же вызывает сомнение высказанный в научной литературе тезис о преобладании в церемониальном тексте коронации 1724 г. мнемонических кодов, свидетельствующих о наличии ярко выраженной апологетической тенденции в отношении легитимированной Петром I его новой, «западной» семьи в противовес законным потомкам первых Романовых. Юные дочери Петра I «всю церемонию смотреть изволили» вместе со своими двоюродными сестрами, Екатериной Мекленбургской и Анной Курляндской. Обе они играли в дипломатии начала 1720-х гг. роль связующего звена между российским Востоком и европейским Западом в качестве представительниц иностранных династий и возможных кандидатур на заключение более или менее выгодных для России династических браков. Любая попытка Петра I легитимировать императорский статус для себя и своей супруги была бы нежизнеспособной без обращения к самодержавной традиции его предшественников. Отводя дочерям царя Иоанна V почетное место в Успенском соборе, организаторы церемонии придавали этому жесту знаковый смысл. Внешний облик племянниц Петра к тому времени уже вполне соответствовал западноевропейским канонам, а их принадлежность к царствующей династии Романовых символизировала преемственность поколений в императорской фамилии, старомосковской по происхождению, но западнической по уровню политико-правовых взглядов на организующую роль монархического начала в имперском государстве⁵⁷⁹.

Западный оттенок присутствовал и в новом оформлении императорских регалий, внешний вид которых получил подробное офици-

⁵⁷⁹ Описание коронации 1724; Уортман 2002: 98-99 слл.

альное описание. Вместо шапки Мономаха для Екатерины «сочинили» выполненную по поздневизантийским образцам корону, сплошь покрытую жемчугом, алмазами и бриллиантами, «между которыми было великое число удивительной величины». Ее форма, состоявшая из двух частей-диадем, увенчанная посередине массивным бриллиантовым крестом, символизировала возрождение в политической практике Российской империи теории «Москва - третий Рим» уже на ином, по сравнению со средневековой традицией, теоретическом уровне. Обе диадемы служили указанием на объединение Запада и Востока в одной христианском государстве, во главе которого находятся правопреемники самодержавной власти римско-византийских императоров. Об античных корнях имперских притязаний Петра I, который, как хорошо известно, сам короновал свою супругу, свидетельствовала и произведенная им замена золотых барм на императорскую мантию, подбитую белыми горностаями и выполненную «из золотого штофа, по которому яко бы разсеяны были Орлы, высоким швом вышитые...». Во время коронации Петр, возлагавший по обычаю царьградских императоров на коленапреклоненную Екатерину мантию и корону, не выпускал скипетра из рук, что должно было подчеркнуть принадлежность верховной власти ему одному. В официальных коронационных сборниках Российской империи последующего периода указывалось, что коронуя свою супругу, Петр, таким образом, лишь приобщил ее «к Императорскому достоинству». Затем Екатерине был поднесен золотой «державный глобус», «дело которого» на основе древнего предания считалось «древне римским, и весьма удивления достойным». Скипетр, свидетельствующий о преемстве императорской власти от старомосковских самодержцев, так и остался у Петра. Важно отметить, что перенос императорских регалий в Успенский собор был доверен высшим должностным лицам из ближайшего окружения царя, которые шли в сопровождении двух герольдмейстеров Сената. Светский характер этой церемонии подчеркивался отсутствием Мономахова (Животворящего) креста, поклонение которому прежде являлось обязательным элементом венчального чина. Присвоив себе prerogative коронования супруги, некогда существовавшую у византийских императоров, он, таким образом, заранее заложил в церемониальный текст идею законной исторической преемственности имперской государственности России от Константинополя. В этом отношении Петру I было важно подчеркнуть формальное равенство статуса императрицы, получившей корону «Божьей милостью», но из рук и по инициативе самодержца, статусу императора-помазанника, облеченного неограниченными полномочиями верховной власти как законный наследник престола своих предков.

Выразительность и универсальность визуально-мнемонических кодов, рассчитанная на массовое восприятие самых различных социальных слоев, была продиктована отсутствием продуманной дефиниции императорской власти как в действующем законодательстве начала 1720-х гг., так и в последующие периоды. Рецепция этого понятия происходила лишь на терминологическом уровне. Россия времен Петра Великого не соответствовала имперским критериям западной политико-правовой парадигмы ни в территориальном отношении, ни, тем более, применительно к идее империума, предполагавшей наличие в императорском Риме периода принципата четкого разделения властных полномочий между старыми республиканскими структурами и принцепсом для последующего закрепления политико-правовых прерогатив императора на законодательном уровне. Что же касается военно-политического аспекта императорской власти, то обращение законодателя к соответствующим текстовым кодам отличалось умеренностью. В основном, оно практиковалось для прославления могущества российской армии и флота на фоне активной разработки официального мифа о наличии мощных исторических корней западной агрессии против России, позволяющего имперскому государству активизировать свое вмешательство в решение военных и дипломатических проблем общеевропейского уровня. Следует констатировать и лишь относительную правоту сторонников концепции «византизма», согласно которой императорская власть в России создавалась на основе модификации восточных концептов монархического государства, доставшихся в наследство московским государям из церемониального текста византийской политической практики. Византийская форма церемониала, во многом выросшая на основе государственно-правовых институтов Рима периода домината, безусловно, имевших оттенок древневосточного влияния, была ориентирована на создание весьма высокой степени дистанцирования императорской власти от подданных. С первой четверти XVIII в. коронационные торжества отличались ярко выраженным всесловным размахом, что хорошо видно из официальных описаний этих мероприятий, в которых элитарная семантика историко-политических стратегий соседствовала с массовыми народными гуляниями и нарочитой «славянизацией» некоторых элементов церемониального текста. По мере модернизации старомосковского венчального чина наиболее существенные новеллы получили нормативное закрепление в законодательстве первых Романовых, а имперский размах государственной идеологии последующего столетия способствовал возникновению более масштабных стратегий трансляции светских канонов коронационного церемониала в форме роскошных книжных изданий. Их официальный характер свидетельствовал о репрезентативном значении коронации для моделирования культур-

но-мнемонических кодов имперской идеологии, в которых политика главенствовала над историей.

Список источников и литературы

- Боллингброк 1978** – Боллингброк. Письма об изучении и пользе истории / Пер. С. М. Берковской, А. Т. Парфенова, А. С. Розенцвейга; общ. ред. М. А. Барга. – М.: Наука, 1978.
- Именный 1676** – Именный, сказанный на Постельном крыльце Стольникам, Стряпчим и Дворянам. О венчании на Русское Царство Государя, Царя и Великаго Князя Феодора Алексеевича и о присутствии при оном Боярам и прочим Чином без мест. 16 июня 1676 г. ПСЗ I. Т. 2. № 647.
- Книга об избрании на царство 1856** – Книга об избрании на царство Великаго государя, царя и Великаго князя Михаила Федоровича. Издана Комиссиею печатания государственных грамот и договоров, состоящей при Московском Главном архиве Министерства Иностранных дел. М.: в Синодальной типографии. 1856. I-я паг.: С. I-XL, II-я паг.: С. 1-111 (числа даны в русской письменности XVII в.).
- Коронационный сборник 1899** – Коронационный сборник, с соизволения Его Императорскаго Величества Государя Императора изданный Министерством Императорскаго Двора. Т. 1 / Сост. под ред. В. С. Кривенко. – СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг. 1899.
- Манифест 1723** – Манифест. О короновании Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны. 15 ноября 1723 г. // ПСЗ I. Т. 7. № 4366.
- Марасинова 2004** – Марасинова Е. Н. Государственная идея в России первой четверти XVIII в. (К истории формирования понятий и терминов) // Европейское просвещение и цивилизация России / Отв. ред. С. Я. Карп. С. А. Мезин. – М.: Наука, 2004.
- Марасинова 2008** – Марасинова Е. Н. Власть и личность : очерки русской истории XVIII века / Отв. ред. Л. В. Милов. – М.: 2008.
- Описание коронации 1724** – Описание коронации Ея Величества Императрицы Екатерины Алексеевны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве 7 мая 1724 году. Печатано в Санктпетербурхе при Сенате 1724 году, сентября 5 дня. А в Москве против того же Генваря в 30 день 1725 году.
- Тарановский 2004** – Тарановский Ф. В. Соборное избрание и власть великого государя в XVIII столетии // Тарановский Ф. В. История русского права. – М.: Зерцало. 2004. С. 83-110.

- Уортман 2002** – Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I. – М: ОГИ, 2002.
- Чин поставления 1676** – Чин поставления на Царство Государя, Царя и Великого Князя Феодора Иоанновича. 18 июня 1676 г. // ПСЗ. Т. 2. № 648.
- Эльфонд 2012** – Эльфонд И. Я. Проблема этногенеза французов во французской историографии XVI в. // Историческая память в культуре эпохи Возрождения / Отв. ред. Л. М. Брагина. – М.: Наука, 2012. С. 207-223.